

Юрий ЛЕВАДА

Современность Оруэлла: аналогии и анализ

Столетие со дня рождения Дж.Оруэлла в 2003 г. было отмечено различными мероприятиями и публикациями, в том числе и в России. Давнишний друг нашего журнала В.Э.Шляпентох поделился некоторыми впечатлениями о том, как сейчас воспринимается этот удивительный автор американской ученой публикой. К сожалению, многочисленные книги и статьи, на которые ссылается В.Э.Шляпентох, мало кому известны у нас. Можно представить, что околуюбилейный ажиотаж, как обычно бывает в таких случаях, не только стимулирует интерес к изучению наследия юбиляра, но и дает повод для обсуждения деталей личного и биографического порядка, мелких споров и воспоминаний о спорах "по случаю" и пр.

Между тем значим и велик Дж. Оруэлл именно "книгой", притом одной. Все остальные его произведения могут, наверное, считаться подготовительными материалами к "1984". В этой книге (условно именуемой романом, на деле это социально-аналитический трактат, гиперболизированная картина времени, как бы нанизанная на сюжетную канву) сконцентрирован страшный опыт середины XX в. и содержится доселе не утратившее своего значения предупреждение современникам и потомкам. Если о священных текстах принято говорить, что их авторов вдохновляли силы небесные, то можно сказать, что пером Дж.Оруэлла, независимо от желания автора, водила История минувшего столетия. Поэтому каждая эпоха и каждое поколение читают и понимают содержание его книги по-разному, обнаруживают в них новые слои смыслов.

Когда в Москве в конце 1950-х годов не распространялись, а лишь стали переходить из рук в руки машинописные экземпляры перевода оруэлловской книги, первым впечатлением было: вот долгожданный луч света, брошенный в темноту нашего прошлого (тогда еще казалось, что мы от него сумели отойти). Спустя десять лет перевод уже можно было в довольно приличном самиздатском виде купить чуть ли не в подворотнях, а многоопытные литкритики даже пробовали печатно похваливать автора, представляя его ярым антифашистом. Еще через 20 лет "1984" дождался нормальных переводов и массовых изданий. Как мне представляется, примерно в то же время многие стали отмечать *глубину* этой

книги, понимая, что ее предметом служат не просто известные уже "прелести" тоталитарных режимов, а *корни* — институциональные и человеческие, — питающие любые разновидности и аналоги таких режимов. А сейчас, перечитывая книгу на излете наших надежд на скорое и полное расставание с отечественным вариантом ("Евразии" в терминологии Оруэлла), в ней можно обнаружить не столь заметные ранее откровения и предупреждения, как будто для сегодняшней реальности предназначенные.

Если рассматривать "1984" как факт социальной мысли, то именно этим книга сейчас интересна прежде всего. Причем важно видеть не только актуально звучащие суждения, намеки, недосказанности Оруэлла, но и те рамки его мысли, которые определены рубежами самого исторического и интеллектуального опыта. Ведь он видел только навязанный извне конец нацистского эксперимента, но не мог видеть разложения советской системы. О существовании же китайского варианта (как будто прообраз "Остазии") лишь смутно догадывался. Возможно, с этим связано многократно повторяемое в книге, прежде всего устами О'Брайена—палача, утверждение о вечности режима партийного господства. Как известно, подкрепляется это суждение целой системой концепций — геополитических (нескончаемая война в системе трех подобных друг другу сверхдержав), социально-структурных (иерархия общества, внутренняя и внешняя партия), наконец, выражаясь современным языком, "социально-технологических" (всемогущество пропаганды). Каждая из этих сфер отношений представлена абсолютно совершенной, неуязвимой и поэтому незыблемой на века и тысячелетия.

В этой картине безысходной фантастически тотальной реальности, несомненно, отражается и замысел автора. Истолковать его можно примерно так: предупредить об опасности всемирного господства тоталитарных режимов, чтобы побудить к поискам их несовершенства и уязвимости, а тем самым к возможности сопротивления. Полвека, прошедшие после выхода книги, показали, как трещат и распадаются, впрочем, не уходя целиком, прообразы оруэлловских гипербола, ни один из которых не стал совершенным и вечным. Процессы эти оказываются куда более

длительными и сложными, чем представлялось лет 15 тому назад. Это особенно хорошо видно вблизи от исторических центров событий. Тем важнее внимательный анализ тех предпосылок и механизмов тотальных режимов, которые были замечены или угаданы автором "1984".

Одна из важнейших предпосылок системы, нарисованной им, служит полнейшее, абсолютное обезличивание людей. Человеческий "материал" требуется режиму для исполнения определенных социальных функций, никакие индивидуальные интересы и слабости не допускаются.

Правда, даже в фантастически организованном мире Дж.Оруэлла это требование полностью не соблюдается, поэтому постоянно действует жесточайший "воспитательный" (он же и карательный) механизм. В конечном счете его жертвами становятся не только тайные диссиденты наподобие Уинстона Смита и его подруги, но все упомянутые в книге сослуживцы и знакомые, если они не доносчики и провокаторы: цинично-умный верноподданный Сайм, глуповато-лояльный Парсонс, неопрятный Амплфорт.

Но и правящая элита в мире "1984" — "внутренняя партия", членам которой дозволено купаться в роскоши, пользоваться слугами и пр., не более как изошренные и тоже обезличенные функционеры тотального режима (тот же О'Брайен). Если рядовых активистов ("внешняя партия") удерживают в должных рамках постоянный страх наказания, голод и ненависть к воображаемым врагам, то элитарных — циничный расчет, основанный на убеждении в незыблемости системы. Даже как будто реально где-то живущий злейший враг Э.Голдстейн важен лишь как символический раздражитель массовой ненависти.

Предельно обезличенной является, что весьма важно для понимания всей картины, и символическая вершина системы — образ верховного вождя, "Старшего Брата" (СБ), в менее удачном переводе — "Большой Брат" (ББ). Его усаые изображения, сопровождаемые слоганом "СБ смотрит на тебя", на каждом шагу, на его решения ссылаются постоянно, но никто никогда его не видит и не слышит. У.Смита постоянно одолевают сомнения в реальном существовании ненавистного ему СБ. В "книге" главного противника (и в то же время — главного теоретика) режима Э.Голдстейна он находит важные пояснения: "*Старший Брат — это образ, в котором партия желает предстать перед миром*"¹. "*В конечном счете строй зиждется на убеждении, что*

"Старший Брат" всемогущ, а партия непогрешима"¹. Но для того, чтобы выполнить такую функцию, СБ должен считаться таким же бессмертным, какой считает себя партия, иначе говоря, быть вечным символом независимо от существования или отсутствия каких-то его персональных воплощений. (Ближе всего такому идеалу соответствовал неизвестный еще Оруэллу прижизненный образ Мао.)

Между тем все реально известные тоталитарные системы нуждались именно в *персонализированном* высшем авторитете, наделенном (часто вторичной или иллюзорной, приписанной) харизмой и некими человеческими чертами (тоже сформированными пропагандой, на современном новоязе — политтехнологами, имиджмейкерами и т.п.). Огромные усилия таких аппаратов направляются на формирование имиджа сурового, но обаятельного, заботливого, сентиментального и т.п. "сверхлидера". Этим, как представляется, существенно отличаются современные тоталитарные режимы от любых, даже наиболее деспотических вариантов *традиционного* господства (монархического, аристократического, теократического и т.п.), которые могли быть как персонализированными (народной, фольклорной традицией), так и совершенно безличными. К тому же традиционная персонализация авторитета непременно подчинена жестким стандартам. В современных же формах, не только тоталитарных, но также имитативных, существуют значительные возможности для личного произвола, прихоти, пристрастий, просто самодурства верховного лидера.

Когда У.Смита подвергают чудовищным пыткам, требуя не просто подчиниться СБ, но возлюбить его, это означает императив полного отказа от собственной личности и абсолютного растворения в безличной воле партии. Причем такое "исцеление" от самого себя служит условием не жизни, но смерти, о чем Смита и предупреждал палач — его исправят, чтобы расстрелять. Отсюда и конец (вполне в стиле Ф.Кафки в "Исправительной колонии"): "Долгожданная пуля входила в его мозг... Он любил Старшего Брата"².

Как известно, в оруэллиане тотальный поря-док распространяется примерно на 15% "партийного" населения, подавляющее большинство составляют бесправные, подконтрольные, но свободные в обыденной жизни "пролы". У них сохраняются нормальные человеческие при-

¹ Цит.: Оруэлл Дж. Роман / Пер. В.Гольшева. 1984; Даллош Д. Роман. 1985. М.: Текст; РИК "Культура", 1992. С. 195.

¹ Даллош Д. Указ. соч. С. 199.

² Там же. С. 279.

страстия, семья, любовь, память, песни, традиции; это побуждает У.Смита понять, что "пролы — люди... Мы — не люди" (с. 155). Получается, что этот порядок останавливается не перед возвышенными порывами (их можно повернуть в нужном направлении или просто уничтожить), а перед обыденностью человеческого существования. Этим, впрочем, не оправдывается отчаянная надежда Смита на грядущее когда-нибудь восстание "пролов" против партии, скорее здесь сказывается былая левизна позиций самого автора "1984". В "книге" врага Голдстейна указана другая опасность для режима — "образование новой группы способных, не полностью занятых, рвущихся к власти людей и рост либерализма и скептицизма в их собственных рядах" (с. 194–195). Это опасение все же ближе к реалиям исторического опыта.

Нельзя обойти два замечания (в той же будто бы вставной "Книге") относительно общественного мнения в тотальном режиме "Океании": "Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении еще дальше. А с развитием телевизионной техники... частной жизни пришел конец" (с. 192). Здесь акцентируется сугубо техническое развитие масс-коммуникаций, правда, социально подкрепленное строжайшим запретом для "внешних" партийцев отключать грохочущие и одновременно подсматривающие экраны. Отсюда и "новая аристократия" — куда наряду с бюрократами, учеными, инженерами, политиками и профсоюзными лидерами попадают также *"специалисты по обработке общественного мнения"* и *"социологи"*. (Там же). Из контекста ясно, что речь идет о тех, кого сейчас именуют "политтехнологами", и заняты они, разумеется, не изучением общественного мнения, а манипулированием таковым. Собственно, в нарисованной Оруэллом картине не может быть и места для общественного мнения как особого социального института (как не могло его быть и в исторически реальных прообразах этой картины), имеется в виду просто состояние умов бессловесной массы, которым требуется неустанно управлять и контролировать.

* * *

В заключение выскажу несколько соображений, непосредственно навеянных "заметками" В.Э.Шляпентоха, позволяю себе их изложить с любезного его согласия. Полезно знать, как "смотрится" книга Оруэлла с разных точек наблюдения и с разного расстояния, имея в виду социальное расстояние читателей от тех регионов, события в которых непосредственно разбу-

дили аналитическое воображение ее автора. Трудно представить, чтобы сегодняшний дотошный американский исследователь мог смотреть на оруэллиану такими же глазами, как те, кто пережил и перечувствовал опыт тоталитарных режимов. В какой-то мере это касается и наблюдателей из "эмигрантского" далека, на которых всегда подсознательно действует такой фактор, как стремление радикально оторваться от "прошлого" со всеми его проблемами и сложностями.

Собственно говоря, элементы разномыслия возникают преимущественно в нюансах соотношения определенных компонентов мира "1984" с социальными реальностями. Остановлюсь только на двух из них.

1. Порой создается впечатление, что В.Э.Шляпентох принимает весьма расширительную трактовку оруэллианы, которая относима к любому социальному порядку, власти, принуждению. Тоталитарная власть в некоторых его суждениях чуть ли не отождествляется с "сильной" властью, навязчивая дисциплина на кафедре американского университета сопоставляется с порядками в ГУЛАГе, принудительное единомыслие в "Океании" — с тенденциями конформизма в либеральном американском обществе. Моменты сходства хорошо заметны, особенно с очень дальнего расстояния. Но существует и определенный предел сближения принципиально разных социальных феноменов; необоснованно перейдя его, даже не задумываясь об этом, можно утратить не только возможность соотношения предмета исследования с социально-историческими реалиями прошлого, но и определенность позиций в актуальных и острейших современных ситуациях. Не только сегодняшняя Россия, но и большая часть современного мира еще долго будут вынуждены относиться к тоталитаризму как реальной и серьезной угрозе. Думаю, что "нормальным" никакое тоталитарное общество не было и не могло быть по самой своей природе. Социальный порядок нужен всякому обществу и государству, но особой проблемой он становится там, где сложившийся, привычный, "нормальный" порядок отсутствует. И сильное государство отнюдь не то, где власть постоянно демонстрирует насилие. Конец советского государства, как и власти С.Хуссейна в Ираке, показал, что устрашающая власть сильной не была...

2. Хотелось бы оспорить некоторые упрощения в трактовке нашего советского прошлого 1960–1980-х годов. Вряд ли правомерно непосредственно относить данную Дж.Оруэллом характеристику "пролов" как "единственно свободного класса" к массе населения СССР.

И вряд ли стоит сводить действительно трудный, противоречивый, по-моему, еще далеко не завершенный процесс преодоления страхов и соблазнов системы в более образованных ее слоях к противопоставлению действительно героического радикализма В.Буковского и жалкому конформизму всех прочих, надеявшихся на либерализацию страны, "социализм с человеческим лицом" и т.п. Историки и социологи, наверное, еще многие годы будут дискутировать о

том, в какой мере способствовал отечественный "либерализм", например, от А.Твардовского до А.Сахарова, укреплению, а в какой — расшатыванию тотальной системы.

В заключение отмечу, что все сказанное в статье В.Э.Шляпентоха, как бесспорное, так и спорное, затрагивает лишь часть проблем современного прочтения знаменитой книги Дж.Оруэлла. Надеюсь, что на страницах журнала разговор на эту тему будет продолжен.

Авторы номера:

Гудков Лев Дмитриевич (ВЦИОМ-А)

Дубин Борис Владимирович (ВЦИОМ-А)

Казаков Алексей Владимирович (Институт открытой экономики)

Кесельман Леонид Евсеевич (Центр изучения и прогнозирования социальных процессов, С.-Петербург)

Кунов Андрей Витальевич (Институт открытой экономики)

Левада Юрий Александрович (ВЦИОМ-А)

Шакин Дмитрий Александрович (Институт открытой экономики)

Шляпентох Владимир Эммануилович (Университет штата Мичиган, США)